

головою можетъ легко двигать бременемъ дѣлъ, а къ управленію себя не имѣетъ силы"... Далѣе—подробности о свойствахъ его болѣзни: „Здѣсь разумѣется его вліяніе уже прошедшимъ. Съ отъѣзду его (въ Москву) не удалось мнѣ услышать, чтобъ хотя словомъ былъ упомянуть... А во мнѣ увеличить меланхолію пріѣздъ князя, ибо не могу видѣть равнодушно его западъ, и когда о томъ думаю, кровь приступаетъ къ сердцу. Тяжело разставаться съ товарищемъ". Говоря подробно о положеніи Безбородки, о его болѣзняхъ и пр., Завадовскій писалъ въ мартѣ 1799 года: „Ахъ, мой другъ! Князь Александръ Андреевичъ своимъ изнеможеніемъ убиваетъ меня жестоко: отъ дня въ день видимо гаснетъ его жизнь, и о продолженіи оной я теряю надежду"... „Представь себѣ мое страданіе, каково мнѣ быть непрестанно съ любимымъ человѣкомъ и ожидать, что сего дня или завтра его не станетъ. Уже начинаютъ помышлять и о замѣнѣ", и пр. 6-го апрѣля Безбородко скончался. „Мои чувства преогорчены, и воспоминаніе на вѣкъ. Не въ состояніи болѣе промолвить", писалъ Завадовскій Александру Романовичу Воронцову въ тотъ же день (223).

Слѣдующія замѣчанія въ письмахъ Завадовскаго къ Воронцовымъ характеризуютъ отношенія и Завадовскаго, и публики къ скончавшемуся министру. „Ты мнѣ говаривалъ, сколько покойника Москва любила. Не можешь себѣ представить, до какой степени восходило о немъ сожалѣніе и здѣсь, въ гнѣздѣ самыхъ обильныхъ зависти. Не первой онъ постояннымъ благоволеніемъ фортуны сопровождаемъ былъ и въ жизни, и ко гробу; но другого никого отъ вельможъ нашего вѣка уподобить ему нельзя, съ стороны любви и привязанности, изъявленныхъ публикою въ его болѣзнь и по кончинѣ. Симъ стяжаніемъ онъ превзошелъ вознесенныхъ и богатыхъ и удивляетъ самую зависть. Не было человѣка, написалъ Маркъ Аврелій, толико счастливаго, чтобъ при погребеніи его не нашелся радующійся въ предстоящихъ. Изреченіе философа не оправдалось ни единою душою отъ погребавшихъ нашего друга. Но чтò во всемъ томъ? Погребли и забудутъ".

Уже выше было сказано, что Завадовскій не особенно подробно и часто писалъ о политическихъ дѣлахъ, такъ что его письма не могутъ считаться особенно важнымъ источникомъ для исторіи вѣншней политики Россіи при Екатеринѣ, Павлѣ и Александрѣ. Онъ гораздо внимательнѣе слѣдилъ за событіями при дворѣ и въ мірѣ бюрократіи, нежели за фактами въ области политики въ тѣсномъ смыслѣ: но все-таки мы встрѣчаемъ въ письмахъ Зава-